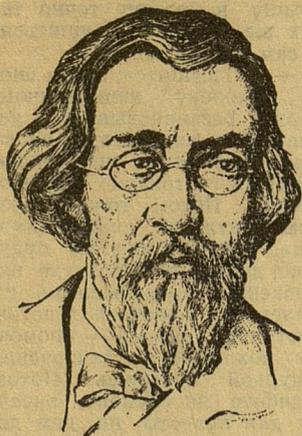

К 150-летию со дня рождения Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Великий деятель революционной России

ЖИЗНЬ и деятельность Н. Г. Чернышевского тесно связаны с Саратовом, где он родился. вырос, преподавал в гимназии, провел последние годы жизни: с Астраханью, где томился в ссылке; с Забайкальем и Якутией, где двадцать лет страдал на каторге; с Петербургом, видевшим его в расцвете сил, главой «революционного нариска», помнившим его и в окопах царских. Но дела его, все творческое наследие Николая Гавриловича, вечная слава его принадлежат всему русскому народу, всему Отечеству нашему. Его имя, вне всякого сомнения, одно из крупнейших не только в российской, но и во всемирной истории. Он — из числа тех сынов человечества, которые воздействуют на весь ход общественной жизни, в деятельности которых особенно ярко, наглядно проявляется обратная связь передовых идей с действительностью.

Н. Г. Чернышевский внес огромный вклад в практику и теорию освободительного движения, в тот богатейший его арсенал, что ныне обозначается терминами: революционная тактика, сочетание легальных и нелегальных средств борьбы, искусство конспирации; в поиск правильной революционной теории, разработку программы революционных действий, ее теоретическое, философское обоснование. В этой области вклад человека, обладавшего энциклопедической ученостью, несокрушимой логикой, ближе всех подошедшего к научному социализму, был особенно значим и велик.

Н. Г. Чернышевский был, по определению В. И. Ленина, великим русским революционером, главой революционеров 61-го года, главным деятелем той эпохи, когда Россия, пробужденная громом неприяельских пушек под Севастополем, рвала путы крепостничества. Демократический подъем перерос на рубеже пятидесятых — шестидесятых годов в общенациональный кризис — первую в отечественной истории революционную ситуацию.

Из народных глубин вырвавшиеся восходящие токи национальной жизни подняли ввысь могучую плеяду деятелей разума, чародеев кисти, резаца, слова, творения которых и поныне составляют гордость и славу нашу. Толстой и Достоевский, Сеченов и Пирогов, Менделеев и Тимирязев, Тургенев и Салтыков-Щедрин, Добролюбов и Писарев, а ведь были еще театр Островского, живопись передвижников, музыка «Могучей кучки». В этом созвездии стоит по праву имя Н. Г. Чернышевского.

Мысли и действия Чернышевского неотделимы от судеб народных. Рожденные жизнью, они, в свою очередь, оказали огромное воздействие на весь ее последующий ход.

Все труды Н. Г. Чернышевского, каким бы проблемами они ни посвящались, были ли они подцензурными или появились в виде нелегальных «летучих листов», сосредоточивались на борьбе с крепостничеством и самодержавием, отстаивали интересы трудящихся масс, или, как он говорил, «простолюдному». Его произведения, написанные как бы на едином дыхании, с железной силой логики, поражают эрудицией и целеустремленностью.

Всероссийской его трибуной был основанный Пушкиным «Современник», перешедший в руки Н. А. Некрасова. Вокруг журнала, живой душой которого был, несомненно, Чернышевский, сплотились сотрудничавшие в нем лучшие умы страны, цвет ее мысли, ее литературы. Достаточно назвать имена Н. А. Добролюбова, Н. В. Шелгунова, М. Л. Михайлова: «Современник» дал такую оценку русской литературе, ее классиков, которая выдержала испытание временем и поныне лежит в основе нашего их понимания.

Уже его магистерская диссертация с ее фокусирующим тезисом «прекрасное есть жизнь» повернула литературу, искусство, всю духовную жизнь нации к самым жгучим проблемам. Этот небольшой эстетический трактат стал подлинным манифестом разума и совести эпохи.

«Очерки гоголевского периода русской литературы» — второе крупное про-

изведение молодого Чернышевского — были конкретным приложением выдвинутого им в диссертации теоретических принципов к исследованию истории русской литературы, всей духовной культуры нации, доказательством, что со времен от Кантемира и Фонвизина до Пушкина и Гоголя у нее не было и нет более важных задач, чем борьба против средневековья, дикого самовластия, и что только на этом пути мастера культуры могут выполнить свой долг перед народом. Этот труд современниками был воспринят как прямой продолжение дела Белинского. Сопоставление этих имен соотечественниками закономерно. Ведь для Н. Г. Чернышевского «неистовый Виссарион» был учителем жизни.

Центральным вопросом жизни и воззрений Чернышевского был вопрос о крепостничестве, о земле и воле.

На протяжении ряда лет в «Современнике» печатается цикл статей Чернышевского по аграрно-крестьянскому вопросу. Он определяет крепостное право как «первую величайшую несправедливость», охватывающую все части государственного организма, как полнейшее беззаконие, доказывает, что помещики не имели никаких прав ни на землю, а тем более на выкуп за личную свободу крестьян.

Позиция Н. Г. Чернышевского по вопросам религии, церкви, свободомыслия и атеизма отличается политическим реализмом, революционной выдержанностью, трезвостью. В отношениях к политическим направлениям и деятелям, в оценке их он выдвигал на первое место их дела, учитывал их позиции по важнейшим общеполитическим вопросам и в зависимости от этого оценивал их суждения.

В трудах по политической экономии, в политических обзорах важнейших событий европейской жизни Чернышевский высказывает воистину гениальные догадки о роли машинного производства и его социальных последствий.

Единство и величие России Чернышевский видел не в концепции единодержавия и поступках князей, как утверждала официальная историография, а в действиях масс народных, осознавших свое единство и отстаивавших его в самоотверженной борьбе с княжеской усобицей, боярским эгоизмом.

Заступников, организаторов народных движений в передовой молодежи, в студенчестве, в лучшей, просвещенной части офицерского корпуса — прямых наследников декабристов. Любил молодежь, верил в нее, умел защищать ее. И студенты понимали, любили Чернышевского, чтли его, по свидетельству современников, как полубога.

Чернышевский не только еще в университете и в Саратове мечтал о свободе, но и боролся как мыслитель, как организатор революционных сил за ликвидацию крепостничества, помещичьего землевладения и частной собственности, «наемного рабства». Он предвидел наступление социально однородного общества, когда воцарятся между людьми отношения «братства», «товарищества».

В борьбе за сплочение всех демократических сил страны и как теоретик, и как организатор Чернышевский постоянно выдвигал вперед, подчеркивал первоочередность, безоговорочность решения таких общедемократических задач, как свержение царизма, завоевание политических свобод, их конституционное закрепление, ликвидация национального угнетения и религиозные преследований, установление новых международных отношений, основанных на полном равенстве, братском сотрудничестве свободных наций и народностей, ликвидация помещичьего землевладения, безвозмездное деление всех крестьян землей. Эти идеи он излагает как в подцензурных статьях, так и в нелегальных прокламациях («Барский крестьянам...», «Великорусс»).

И вот наступило бурное время в жизни России. Закипела пропагандистская и организационная работа, важная роль отводилась революционным организациям армейских частей, большая часть которых была сосредоточена в районах империи, охваченных национально-освободительным и аграрно-крестьянским движением (царство Польское, Литва, Белоруссия, Украина, а также Поволжье). Возник план «военно-крестьянского восстания» «со всех периферий разном». Но и реакция приняла

свои меры. Н. Г. Чернышевский и ряд виднейших, ближайших его соратников были арестованы в начальной стадии подготовки смелого и хорошо задуманного плана. Это был тяжелый удар по руководству готовящегося выступления. Революционный лагерь по существу, был обезглавлен, и его последующие действия (крупнейшим было восстание 1863 года, охватившее царство Польское, Литву и ряд районов Белоруссии и Украины, и попытки восстания в Поволжье) не привели к единству аграрно-крестьянского и национально-освободительного движения, не охватили они широко и армейские части, одним словом, не переросли в общероссийскую революцию. Восстание в Польше и Литве было подавлено царизмом. В нем погибли многие соратники Н. Г. Чернышевского.

Вождь всероссийской революционной демократии был предан суду сената — высшей судебной инстанции царской России. Никакими уликами для вынесения обвинительного приговора власти не располагали. Все уловки и фальшивки следователей были им разоблачены и отбиты. По прямому указанию Александра II суд, и долгий и неправый, приговорил Чернышевского ко многим годам каторжных работ с лишением политических прав и последующим поселением в Сибири. Царь знал о возмущении широких кругов общественности арестом Чернышевского; он лицемерно сократил срок каторги, оставив в силе ссылку навечно. Царизм решил навсегда лишить Чернышевского свободы.

Маркс, высоко ценивший Чернышевского (это отмечено и в «Капитале»), назвал царский приговор юридическим убийством. Александр II лично руководил расправой над великим мыслителем и вплоть до своей смерти преследовал его.

Имя Чернышевского было запрещено употреблять в подцензурной печати. Все попытки облегчить положение Чернышевского грубо пресекались жандармами, сатрапами, знавшими о царской к нему ненависти. Когда известный поэт, драматург граф А. К. Толстой отважился подать за Чернышевского свой голос, как некогда Жуковский — за друзей декабристов, и заявил, что русская литература в трауре по невинно осужденному Чернышевскому, царь прервал поэта и запретил впредь даже упоминать имя узника. И нет ничего удивительного, что после истечения срока каторжных работ царизм водворил на «свободное поселение» Чернышевского в вилейский острог. Последний был специально возведен для заключения двух «секретных узников», видных повстанцев 1863 года. Один из них, Ю. Огрызко, был хорошим знакомым Чернышевского, активным сторонником русскопольского революционного союза. Когда Огрызко узнал, кого власти поселили в острог, он пришел в ужас. Уж он-то хорошо знал условия жизни «секретных узников» в Вилейске. Ю. Огрызко пробыл в вилейском «гробу» около четырех лет. Н. Г. Чернышевский — в три раза дольше. Трудно, почти невозможно словами выразить величие подвига Н. Г. Чернышевского.

Чернышевский был подобен воину в осажденной крепости, отбивая штурм один за другим 12 лет и не будучи даже уверен, что когда-либо вообще осада будет снята. Ведь он был сыльно-поселенцем «бессрочно». Крепостью была собственная душа, его ум, воля, его внутренний мир, сломить который, проникнуть внутрь которого пытался враги. В этом по внешнему виду обычном кабинетном ученом, неприятном и даже нелюбимом в жизненном обиходе, таилась рахметовская сила воли. И он знал, что в смертельном поединке с царем защищает честь, зная русскую революцию. Но не только это вызывает удивление, уважение к его действиям. Даже в условиях одиночного заключения в крепости, на каторге, в остроге, у Полярного круга он изыскивал и находил средства борьбы и наносил врагу удар за ударом. В Петропавловской крепости был создан роман «Что делать?», воспитавший несколько поколений революционеров, который потряс души и дал заряд на всю жизнь Благоеву, Димитрову, братьям Ульяновым. На каторге Чернышевский написал «Пролог» — эту опозитизированную, правдивую историю борьбы собственной и соратников своих за свободу. Он писал и в Вилейске. Но иной

читатель скажет: все, что он писал, предал собственной руке. Ведь, по собственному горькому признанию, вырвавшемуся в письме к А. Пыпиу (академику, автору более тысячи работ, но так и не понявшему двоюродного брата), он сжег многие десятки литературных работ и научных трактатов. Бумага действительно сгорела, но результаты ночных бледней при сальных огарках остались навсегда его достоянием. Благодаря им он выстоял в повседневной борьбе с одиночеством, стужей, издевательствами, сохранил ясность ума, знания, способность мыслить. И позже опервергал того же Пыпина, ссылаясь на книги, прочитанные в Вилейске, и написал знаменитое предисловие к своей диссертации, которое, по словам Ленина, показало, что и в 1888 году Чернышевский оставался мыслителем, ближе всех подошедшим к диалектическому материализму.

Как-то повелось и стало едва ли не традиционным считать, что образ Рахметова не навеян непосредственно эпохой 60-х годов, что он всецело устремлен в будущее, что это гениальное предвидение тех черт революционера — профессионала, которые сложились позже, но отсутствовали во времена Чернышевского и возникли под сильным влиянием именно романа, его героев. Обратная связь романа с жизнью не поддежит сомнению. Громадное влияние Рахметова на революционных борцов заведительствовано ими самими, современниками, письмами, мемуарами. Словом, подтверждена массой разнообразнейших источников.

Но что касается жизненных корней романа, прототипов его героев, то тут, очевидно, дело не только в даре исторического предвидения, которым, несомненно, обладал автор, а в его опыте, в прямом воздействии на его творчество эпохи, близких ему лиц.

Доказано, что все его художественные произведения — например, «Что делать?» — так и наброски, внутренне связаны между собой, являясь ступеньками реализации обширного замысла и вместе с тем шагами по пути осмысления и образного отражения эпохи, исторической значимости действий «революционеров 61 года», всего нового, что рождалось в характерах, мыслях, чувствах людей в ходе борьбы. Не случайно же Чернышевский, словно давая читателю и во времена грядущие ключ к правильному прочтению своих строк, пониманию, восприятию своих героев, вновь и вновь напоминал, что в его романах надо искать исторические реалии, надобно узнавать автора, его близких, друзей, их помыслы, стремления, чувства.

Известно, что работы Н. Г. Чернышевского (особенно экономические), равно как и «Что делать?», были своего рода евангелием революционных народников. В программах работ нелегальных кружков они — обязательная принадлежность. При обысках у революционных деятелей тех лет часто обнаруживали его сочинения, портреты.

Глубокое влияние Чернышевского на все революционное движение семидесятых — восьмидесятых годов несомненно. Его знали, многое, особо дорогое, заветное заучивали наизусть.

Великий сын русского народа Чернышевский боролся за освобождение, счастье, за расцвет всех народов России, был непримиримым врагом национализма, шовинизма, пресловутой колониаторской теории о «малых» и «больших», об «исторических» и «внеисторических» народах. Пророчески прозвучали его слова, прорвавшиеся на волю через льды и жандармские заслоны: «Будут и якуты жить по-человечески!»

В. И. Ленин, подчеркивая громадное значение борьбы и научных завоеваний Чернышевского для исторических судеб всех народов нашей Родины, назвал его всероссийским демократом-революционером.

Вся жизнь и революционная деятельность Чернышевского — яркое свидетельство прочности свободолюбных республиканских материалистических и социалистических традиций передовой русской общественной мысли, сыгравших столь важную роль в истории нашей Родины.

А. СМЕРНОВ,
доктор исторических наук,
профессор.